

Морфология На Основе Лексем

Мукимова Гуландон Ахатовна

Г.Бухара, Бухарский государственный университет

Аннотация: Цель данного исследования проследить особенности изучения лексики и морфологии русского языка на синтаксической основе, определить преимущества данного способа изучения, показать практическое применение. Для реализации поставленной цели были проанализированы современные учебники по русскому языку как иностранному, а также методические пособия по данной теме. Цель данного исследования проследить особенности изучения лексики и морфологии русского языка на синтаксической основе, определить преимущества данного способа изучения, показать практическое применение. Для реализации поставленной цели были проанализированы современные учебники по русскому языку как иностранному, а также методические пособия по данной тематике.

Ключевые слова: морфонология, суффикс, чередования, звук, орфоэпия, корень.

В русском языке в зависимости от контекста или от частей речи встречаются суффиксы-омонимы, которые ничем не отличаются в звуковом плане. Эти суффиксы совпадают по форме, но различны только по значению. Как правило, они ведут себя в отношении чередования одинаково, т.е. вызывают одни и те же чередования. Ср. производные с суффиксом -ин(а) от основ на заднеязычные, имеющие значения: а) увеличительности; б) единичности; в) вида мяса. Например:

а) волк –волч-ина, бульдог –бульдож-ина;

б) урюк –урюч-ина, горох –го-рош-ина, жемчуг –жемчуж-ина;

в) белуга –белуж-ина, севрюга –севрюж-ина, собака –собач-ина.

Во всех образованиях, независимо от того, каково значение производных, обнаруживаются одни и те же чередования: г/ж, к/ч, х/ш.

Таким образом, правила морфонологических чередований часто объясняются фонетическими изменениями в истории языка, которые потом утратили фонологическую обусловленность. Например, чередования к/ч, г/ж, х/ш наблюдаются в русском языке в основном перед передними гласными; исторически именно в этой позиции и происходил переход заднеязычных в шипящие. На основании подобных примеров часто делается вывод о том, что именно такова природа всех морфонологических явлений. Значит, описание морфонологии может быть сведено к данным исторической фонетики. Однако изучение истории развития различных языков показывает, что такая трактовка упрощает реальное положение дел.

Как известно, в русском слове имеется значительное число сегментов, которые формально хорошо выделяемы и похожи на аффиксы, но не выполняют привычной словоизменительной или словообразовательной функции и поэтому на фоне «нормальных» морфем выглядят аномальными и асемантическими. Ср. паролод, певец, припев, читаю, резать, сыновья, африканец, двухэтажный, земельный, охота, поиск и т.п. Основная часть таких неполнозначных сегментов находится между обычными морфемами и поэтому нередко объединяется под общим названием «интерфиксы». «Незначимые» компоненты русского слова создают большие проблемы для его морфемного членения, так как выделению в

качестве полноценных морфем препятствует их «асемантичность», однако и попытки присоединить их к соседним морфемам редко оказываются удачными.

Поскольку термин «внутренняя флексия» занят, рассматриваемые компоненты можно назвать «межосновными флексиями».

К этому классу морфем относятся не только явные флексии типа формантов числительных - *ѣх-*, *-ух-*, *-и-*, но и соединительные гласные. Функционально они представляют собой унифицированную внутреннюю флексию. На не только функциональную, но и генетическую связь русских соединительных гласных с падежными флексиями указывает и эволюция, которую прошли многие русские сложные слова (ср.: *землятресение*, *землитрясение* > *землетрясение*, *уманастроение* > *умонастроение*, *челомбитная* > *челобитная* и пр.). Русские соединительные гласные безударны, однофонемны и подчиняются твердости/мягкости предшествующего согласного, т.е. по форме они близки к безударным вариантам многих флексий существительных. Поэтому замена реальной флексии на соединительную гласную – это часто чисто орфографический акт, так как при произношении нормальная и «внутренняя» флексия совпадают (ср.: *дерева обработка* и *деревообработка*). В отдельных случаях орфография, однако, ведет себя непоследовательно, сохраняя флексию мотивирующего словосочетания в полном, не унифицированном виде и усиливая, таким образом, связь с этим словосочетанием (ср.: *умопомрачительный*, но *умалишенный*, *сумасшедший* и пр.)

Сопротивляются редукции и замене на соединительные гласные в межосновной позиции только флексии числительных. Вероятно, это связано с их постоянной ударностью и закрытостью – даже в составе сложных слов ударение (второстепенное) падает не на их основу, а на флексию. [6, с. 93]. Тем не менее и здесь процесс ослабления, редукции флексий в межосновной позиции представлен: он затрагивает конечную согласную, ср. *двухсмысленный* > *двусмысленный*; *двухчленный* > *двучленный* и пр.

Таким образом, наличие в слове «межосновной флексии» выполняет важную семантическую функцию: оно передает информацию о грамматических отношениях, связывающих компоненты мотивирующего словосочетания. Одновременно соединяющие основы компоненты несут информацию еще одного типа: они служат сигналом того, что первый компонент слова грамматически оформлен, а значит, выступает в полном, а не сокращенном виде.

Тем самым соединительные гласные помогают отличить разные способы словообразования – порождение новой номинативной единицы на базе словосочетания и простую компрессию готового словосочетания (ср., например, разницу между *лес(о)воз* и *лес||хоз*).

Самостоятельность рассматриваемых компонентов настолько очевидна, что делающиеся иногда попытки присоединить их к корню не находят поддержки. Соединительные гласные рассматриваются большинством лингвистов как отдельный тип морфем и не включаются в состав ни одного из соединяемых компонентов. [3, с. 87]

С функциональной точки зрения, однако, их можно включать, на правах самостоятельного грамматического элемента, в первую основу, которую они грамматически оформляют. В этом случае мы получим следующее вполне соответствующее языковому чутью членение: *пар-о+ход||0*, *нов-о+стро(j)||к|а*.

Игнорировать «незначимые» компоненты, не выделять их в составе русского слова невозможно, поскольку носитель языка их видит и их субморфная самостоятельность не вызывает никакого сомнения. Есть достаточно оснований и для сохранения за рассмотренными их типами самостоятельного морфемного статуса. Это ни в коей мере не означает, что в русском слове есть «пустые» морфемы. «Пустоты» в нем образуются только в одном случае – когда мы ограничиваем функции русских аффиксов двумя главными – словообразовательной и словоизменительной. Если же признать, что в русском слове есть вспомогательные морфемные единицы, обслуживающие непосредственно основу и формант, то «избыточных» морфемных компонентов не остается.

К числу таких вспомогательных единиц можно отнести консонизаторы – средства соединения открытой основы с поконсонантными формантами; межосновные флексии – средства грамматической связи основ в составе сложного слова, грамматические категоризаторы непроеизводных основ(прежде всего глагольные темы), а также начальные части составных формантов, вносящие свой вклад в выражение словообразовательного значения.

Морфонология актуальна и для письменной формы языка. Морфонологический принцип признается ведущим в русском письме, так как сохраняет единое написание морфемы, независимо от ее произношения в конкретных словоформах.

Отсюда – проблема соотношения звучащего и написанного облика морфем.

Трудности иностранных студентов в усвоении письменной и устной формы русских морфем очевидны, как и трудности русских школьников в орфографии.

Таким образом, явления морфонологии должны учитываться в преподавании русского языка и русского как иностранного в разных видах речевой деятельности: в чтении, говорении, аудировании и на письме.

Литература

1. Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2001. №2. С.107-121.
2. Рубцова Е.В. Разрешение трудностей языковой трансформации в процессе обучения студентов–медиков русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №6. С.18-19.
3. Рубцова Е.В. Решение коммуникативных задач в курсе интенсивного обучения русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. №5. С.20-22.
4. Тараскина Я.В. Современные педагогические технологии в иноязычном вузовском образовании // Поволжский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 152-157.
5. Гала М. Коммуникативная направленность обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом.1985. №.5.С.64- 66.